
ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Гелиан Михайлович Прохоров (20 марта 1936 – 1 сентября 2017)

Скончался Гелиан Михайлович Прохоров, ученый, которого по праву называют выдающимся славистом современности. Для Отдела древнерусской литературы это горькая утрата. Прошел всего год с тех пор, как мы поздравляли Гелиана Михайловича с 80-летием в твердой надежде еще долго числить его в своих рядах. И вот его нет, и трудно осознать это. Он был старейшиной нашего Отдела, олицетворявшим его прямую связь с «золотым веком» научной школы Лихачева, пришедшимся на вторую половину XX столетия. И он был крупным человеком с редкостно богатым духовным миром, одарявшим своим богатством всех, кто с ним соприкасался.

Вечная ему память!

Научный путь Гелиана Михайловича Прохорова начался с поступления на исторический факультет Ленинградского университета, где он избрал в качестве специализации византистику. В аспирантуру Отдела древнерусской литературы его пригласил сам Д. С. Лихачев, ставший его научным руководителем. В Пушкинском Доме Гелиан Михайлович проработал всю свою жизнь. Он принес в Отдел свое научное направление, главной чертой которого сделалось рассмотрение древнерусской истории и литературы в широком контексте византийской культуры. Первая большая его работа, защищенная как кандидатская диссертация, была, казалось бы, посвящена одному конкретному литературному памятнику, но из этого исследования получилась книга о Руси и Византии в эпоху Куликовской битвы (Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978; 2-е изд. СПб., 2000). Эта книга приобрела большую известность, причем не только в научных кругах, но и в широкой читательской аудитории, — благодаря яркому писательскому стилю ее автора, рассматривавшего источниковедческую проблему под знаком осмысления общечеловеческой истории. Эта особенность, а именно, рассмотрение любого научного вопроса в перспективе его глубинной связи с русской историей и культурой, стала главной характеристикой стиля Г. М. Прохорова как исследователя.

Занимаясь «Повестью о Митяе», Гелиан Михайлович вплотную столкнулся с темой исихазма, в то время мало изученной в русистике. Он актуа-

лизировал эту тему среди историков древнерусской литературы. Из-под его пера вышел целый ряд статей, посвященных исихазму и исихастской литературе в Византии и на Руси. Изучая творения исихастов и памятники раннехристианского богословия, на которые эти творения опирались, Г. М. сделался вскоре специалистом в области истории богословия, с мнением которого считались такие известные богословы Запада, как о. Иоанн Мейендорф и профессор Фери фон Лилиенфельд. Интерес Г. М. к вопросам богословия, равно как и в случае других его научных штудий, сопровождался стремлением вписать научную проблему в живую жизнь современности. Именно этому стремлению мы обязаны выходом в свет его переводов с греческого на современный русский язык творений византийского императора Иоанна Кантакузина, патриарха Константинопольского Филофея Коккина, «Диоптры» Филиппа Монотропа. Прохоровские переводы корпуса сочинений Дионисия Ареопагита с толкованиями Максима Исповедника оказались столь востребованными в нашей читающей среде, что претерпели до сегодняшнего дня уже 5 изданий. Г. М. Прохорову принадлежит

заслуга атрибуции и сохранения автографа перевода Ареопагитского корпуса на церковно-славянский язык, выполненного в XIV веке сербским иноком Исайей (РНБ, собр. Гильфердинга, № 46). После реставрации кодекса в 1980-е годы в рукописи Исайи оказались срезанными края некоторых листов с записями писца на полях и побледневшими (до невозможности прочесть их) отдельные фрагменты основного текста. Гелиан Михайлович сохранил микрофильм рукописи, сделанный по его заказу до злополучной реставрации, и тем самым сберег для истории неповрежденными труды инока Исайи. Именно по этому микрофильму в 2010–2013 годах коллективом авторов под руководством Г. М. Прохорова и профессора Германа Гольтца было осуществлено фундаментальное 5-томное издание славянских Ареопагитик.

Свое слово сказал Г. М. Прохоров и в исследовании древнерусского летописания. С основным «летописеведом» Отдела Яковом Соломоновичем Лурье у него были непримиримые расхождения во взглядах на историю сложения общерусского летописания, что, при глубокой интеллигентности обоих, не разрушало между ними дружественных коллегиальных отношений. Я. С. Лурье относил начало общерусского летописания к XV веку. Гелиан же Михайлович, основываясь на своем исследовании двух взаимодополняющих подборок летописного материала в «Карамзинской» рукописи, считал, что общерусское летописание, запечатленное во времена Киевской Руси в «Повести временных лет», было после определенного перерыва возрождено (а не впервые создано) в 1185 г. во Владимире, при великом князе Всеволоде Большое Гнездо. Особенное внимание Г. М. Прохоров уделял Лаврентьевской летописи, к исследованию которой он вновь и вновь обращался в течение всей своей жизни. Буквально за несколько дней до его кончины в издательстве «Росток» вышло в свет подготовленное им двухтомное издание Лаврентьевской летописи, содержащее ее факсимильное воспроизведение, а также наборный текст памятника с параллельным переводом на современный русский язык и исследовательскими статьями. Много раньше, в 1994 г., была факсимильно издана при активном участии Г. М. Прохорова как инициатора издательского процесса и как исследователя древнейшая иллюстрированная русская летопись — Радзивилловская.

Научная деятельность Гелиана Михайловича всегда была органичной частью его образа жизни. С начала 1980-х годов, с приобретением крестьянской избы в деревне Щёлково близ Ферапонтова (первоначально там предполагалось устроить творческую дачу Отдела древнерусской литературы, но вскоре энтузиазм сотрудников по поводу приобретения «дачи» сошел на нет, и Г. М. остался единственным владельцем дома), он стал ежегодно посещать Белозерье и, как ему было свойственно, «почувствовал особую ответственность перед святыми обитателями этой земли, такими замечательными, как преподобные Кирилл Белозерский, Паисий Ярославов, Нил Сорский» (из еще не опубликованных Воспоминаний Г. М. Прохорова). Так появилась целая серия исследований и публикаций Прохорова, связанных с жизнью и творчеством знаменитых подвижников Древней Руси, которых он воспринимал как своих предшественников по жизни в здешних местах, как своих соседей и собеседников.

Бывая в Белозерье и общаясь с местными жителями, близкими ему по духу, Г. М. узнал о скончавшемся здесь в 1973 г. старце-мирянине Федоре Степановиче Соколове и стал собирать разные материалы и воспоминания о нем среди здравствовавших еще духовных чад старца, которые в итоге и опубликовал в 2002 г. отдельной книгой. В глазах Г. М. Прохорова Федор Степанович Соколов был «заволжским старцем эпохи большевизма», и в этом тоже сказалась особенная черта его жизненной и научной позиции, заключающаяся в умении воспринимать сегодняшнюю действительность в неразрывной связи с давно ушедшей.

С таким умением было связано и постоянно заинтересованное отношение Г. М. к старообрядчеству. Он был одним из немногих представителей современного научного сообщества, кто глубоко понимал пагубность церковного Раскола XVII века для нашей истории и культуры и искренне симпатизировал старообрядцам. Знакомство со старообрядцами состоялось во время его первых археографических экспедиций на Русский Север (вместе с А. М. Панченко, А. Х. Горфункелем, Е. И. Дергачевой-Скоп, В. П. Бударагиным). В этих экспедициях были найдены ценнейшие рукописи XV—XVII веков, сохраненные в домах старообрядцев. С этих пор не ослабевал интерес Г. М. к этой ветви русского мира. Когда ему в самом начале 1990-х годов довелось по приглашению Вашингтонского исследовательского центра «Думбартон Оукс» оказаться в США, он нашел возможность посетить там одну из старообрядческих общин, обосновавшуюся в Америке после многих десятилетий скитаний по свету. Впоследствии Г. М. признавался, что знакомство с русскими староверами, живущими в американском штате Орегон, было для него едва ли не самым интересным из всего, что он видел в Америке за девять месяцев жизни там: «Это было открытием распыленной по свету живой Древней Руси» (из неопубликованных Воспоминаний). Он сумел записать на магнитофон рассказы русских «орегонцев» о жизни их предков в Сибири и, вернувшись в Петербург, публиковал отдельные из них в журнале «Мѣра».

Надо не забывать и о художественном таланте Гелиана Михайловича. Мы помним выставки его живописных и графических работ — в Пушкинском Доме, в музее-квартире Ф. М. Достоевского — и хорошо понимаем, что в его рисунках и живописи сказался тот же удивительный творческий дар — умение воспринимать прошлое и настоящее как единство, соединенное в Вечности.

В дни прощания с Гелианом Михайловичем пришло множество писем с искренними соболезнованиями из самых разных концов света. Нам представляется уместным привести здесь фрагмент одного из них.

Из письма немецких исследователей Сабины и Дитера Фаль, наших коллег и близких друзей Гелиана Михайловича Прохорова.

«...границы Гелиана мало интересовали, он легко преодолевал не только границы между странами, национальностями, поколениями, христианскими конфессиями, но и границу между живыми и мертвыми. Связывающее, совместное — вот что ему было интересно. Его он искал, находил и других учил находить, — как в повседневной жизни, так и в науке. Говоря о Кирилле Белозерском, об иноке Исаие, переводчике Ареопагитик, о своем ангеле Григории Паламе, о Михаиле Пселле, о митрополите Киприане,

Гелиан всегда находился с ними в общении как с живыми. Он их спрашивал, внимательно их слушал, вступал с ними в разговор, учился у них, читал их чтение, возражал им, давал себя убедить тем, у кого аргументы были крепче. Даже неточно сказать, что он работал „над ними“. Скорее, он работал и жил с ними. И такой подход приносил неожиданные плоды; ведь в общении с живыми рождаются по-настоящему новые, живые мысли, среди которых бывают порой и спорные, а Гелиан не боялся высказывать и такие. Помню, как в дискуссии об одной из них на заседании Сектора ему говорили: „Гелиан Михайлович, ну, побойтесь Бога!“ Боялся. А оказаться неправым перед людьми не боялся. Его интересовало не *кто* прав, а *что* правильно. Именно таким открытым, несамолюбивым умом он побуждал к собственной мысли, помогал родиться на свет новым идеям — и своим, и чужим, — а также доказать верность как будто уже опровергнутых гипотез.

Например, теорию Владимира Мошина о том, что рукопись из собрания Гильфердинга номер 46 могла бы быть автографом переводчика старца Исаии, в 1980 году опроверг Джорже Трифунович своим палеографическим анализом, утверждавшим, что над книгой работало три писца. Гелиан Михайлович, единственный, не поверил. Он изучал работу переводчика. Изучал греческий оригинал текста. Переводя его на современный русский язык, он консультировался у переводчика Исаии из 14-го века: „А как ты понимал это сложное место?“ Узнавал, как работал Исаия. И еще раз изучал рукопись из собрания Гильфердинга. Все совпадало, ее мог написать только его знакомый, инок Исаия. Надо было проверить гипотезу Трифуновича. Гелиан включил в проект по изданию славянского Дионисия кодикологов Михаила Шибаева и Дениса Цыпкина, которые доказали современнейшими методами компьютерного анализа, что в рукописи — три *манеры письма*, но только одна *рука*. После издания перевода Исаии, первый том которого содержит факсимильное издание той же рукописи, уже никто не сомневается в том, что это — рука Исаии. <...>

Житие инока-переводчика Исаии начинается со стихов, две строки из которых в переводе Гелиана Михайловича звучат так:

Добродетельный твой сладкий язык хоть угас на земле, о, отче,
Но имеешь ты у вышних небесных умов сладчайшую беседу.

Чтобы прямым участником этой сладчайшей беседы стал и Гелиан Михайлович, молятся с Вами недостойные Ваши друзья Дитер и Сабина Фаль».

Мы присоединяемся к этим словам и благодарим Судьбу за то, что нам было дано работать и жить рядом с этим прекрасным человеком.

Сотрудники Отдела древнерусской литературы